

Майя Никулина

Никулина Майя Петровна родилась 9.02.1937 г. в Свердловске. Училась на геологическом факультете, окончила филологический факультет Уральского государственного университета. Работала библиотекарем, заместителем главного редактора журнала «Урал». В 70–80-х гг. вела литературные студии. Сейчас – преподаватель гимназии «Корифей». Автор многочисленных журнальных публикаций и шести книг стихотворений: «Мой дом и сад» (1969), «Имена» (1977), «Душа права» (1977), «Колея» (1983), «Бабыя трава» (1987), «Стихи» (2002), «Камень. Пещера. Гора» (2002), «Избранное в 2-х томах: стихотворения и переводы. Проза» (2008). Лауреат литературной премии им. П.П. Бажова и других литературных премий. Участница АСУП-2,3. Живёт в Екатеринбурге.

Филологическая маркировка стихов М.Н.

Традиции, направления, течения: античность, реализм, классика, неоромантизм, модернизм, постсимволизм.

Основные имена влияния, переклички: М. Лермонтов, А. Блок, А. Ахматова, А. Решетов, Ю. Казарин.

Основные формальные приемы, используемые автором: автобиографизм, исповедальность, кинетизм, энигматичность, сочетание эпичности и лиризма, плавная и твердая ритмическая поступь стиха, конститутивная для поэтики цикличность, одичность и гимновость, ретроспекция, психологизм, эвристичность, иконичность слова.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: место и время, память, любовь, страсть, воля, стоицизм, земля, тяга к ней и сродство с ней, крымский хронотоп, его мифологизация и героизация, его взаимосвязь с уральским, демиургичность, «досотворение мира», эсхатологические и профетические мотивы, стихии (вода, земля, воздух, огонь), их равноправие, нравственный максимализм, внешняя суровая скудность и внутреннее богатство жизни, забота, заступничество, слезы,

судьба, Родина, «отчий дом и братские могилы», материнство, горы, море, древнегреческая мифология, героика прошлого, витальная насыщенность и густота пространства, тяжесть и нежность («И лёгкость лёгкого дыхания. / И страшная его цена»), широта и глубина, простор, звук, ветер, слово, птицы.

Творческая стратегия: лироэпическое сращение/переплавливание биографических, исторических и мифологических сюжетов через категорию памяти в природное и фундаментальное основание жизни и судьбы, онтологическое номинирование времени и пространства.

Динамика: стихи 2-го тома тесно привязаны к средиземноморскому топосу – его истории и мифологии, основаны на его глубоко личностном художественном осмыслении и обживании-одомашнивании как бы заново. В 3-м томе заметно обострение рефлексии и расширение диапазона ее объектов при общем логическом развитии поэтики 2-го тома и сохранении важности крымского топоса.

Коэффициент присутствия: 0,85

АВТОБИОГРАФИЯ

Биография – это время и место. И родители, вернее, род – тоже время, прожитое без тебя и ставшее твоим. Мой отец два года перед революцией работал лесничим на южно-уральских заводах, стало быть, хоть в малой степени причастен к легендар-

Бабушка, Наталья Васильевна Торговицкая (урожденная Александрова), и мама

ной горно-заводской цивилизации. Прадед – это уже по южной линии – был участником войны с Турцией, служил в армии опять же легендарного генерала Скобелева. А дед служил в Севастополе... Если бы хоть один мужчина из южной семьи оставался в живых ко времени Октябрьского переворота, у семьи был бы один выход: на корабль и – в Турцию, в Галиполи, в Бизерту... Но судьба сложилась иначе – они остались – стало быть, в мою пользу.

Место сильнее крови. У меня, к счастью, совпало: Урал – от отца, Крым – от матери; северная память и южная. Урал – геологическое время, камень, ощущение себя сотрудником Горы и ее – Горы – удерживающая сила. Крым – северное крыльцо Средиземноморья: тавры, готы, греки, римляне, османы, древние храмы, пещерные города; Севастополь – доблесть двух героических оборон и печаль третьей, после распада Союза: «Утрата Севастополя – национальный позор».

Мое реальное время, которое я помню и в котором жила, началось с войны. Военный Свердловск – танкоград, госпиталь и эвакуопункт, в первую же военную осень увеличившийся в разы, жил, как все: холод, голод, теснота (1,5–2 кв. метра на человека) и работа «не щадя ни сил, ни времени, ни самой жизни». Детей это касалось в полной мере. У нас были свои заботы: очереди, многочасовые – в баню, бесконечные – с вечера до утра – за хлебом; картошка (посадить, окучить, устеречь, убрать); вообще все то, что называется выполнением производственной программы. Мы собирали траву, коренья, съедали липовые почки, молодые сосновые побеги – это с мая по октябрь. Мы стояли под окнами госпиталей (чтобы раненые видели, что мы живые), провожали похоронные машины, бежали за танками, идущими на фронт.

Взрослых в городе почти не было: все на войне или на заводе; иногда появлялись раненые – учились ходить на костылях, и еще инвалиды. Молодые, все больше безногие, они ездили по улицам на низких деревянных платформах на подшипниках, отталкиваясь от земли руками. А когда останавливались, оказывалось, что мы и они одного роста, и тут мы смотрели друг другу прямо в глаза, каким-то странным образом понимая, что война останется в нас навсегда...

Понятно, что после войны и Победы все обычные тяготы советской жизни – квартирный вопрос, всеобщий дефицит, вплоть до талонов на колбасу и молоко в последние брежневские годы, – не казались нам разрушительными и воспринимались просто как приметы времени.

И официальная идеология не оказывала решающего воздействия. Другое дело – уроки моей бабушки: жизни доверяй, землю люби, людям помогай; далеких причин не ищи – все в тебе; вставай: не расходишься, так належишься; лица не умой, а

Мама, Нина Евтихийевна Никулина
(урожденная Торговицкая)

цветок полей; до года младенца с рук не спускай, до трех за ручку держи, до пяти глаз не спускай, а потом и глаз не понадобится... Это бабушка научила нас различать и находить съедобные травы. Перед картофельной делянкой на колени падала: «Матушка, не дай детям пропасть». Многие женщины с нашего двора, уходя на работу, оставляли детей под нашими окнами – под крыло нашей бабушке, она всех принимала и, кормя нас травяной

Дети войны. М.Н. – справа

М.Н.

похлебкой, закрывала глаза, чтобы господь не допустил зачерпнуть своим погуще.

Жизнь я прожила совсем не писательскую: вот уже более полувека непрерывно работаю, практически каждодневно с 9-ти до 6-ти; правда, всегда с книгами, читателями и писателями – в библиотеке, в редакции, в школе. И училась я, за исключением начального геологического факультета, который не закончила, либо на вечернем отделении (экономический факультет), либо на заочном (филологический). Литературным трудом не жила и литературными хлопотами не отягощалась: всегда находились другие.

Мне не было еще 20-ти лет, когда отца разбил паралич, а дальше – беда не приходит одна – в доме

тяжело и непоправимо болели все, так что единственным работником оставалась я. Понятно, что бабушка, пока держалась на ногах, и мама, к тому времени совсем потерявшая зрение, изо всех своих убывающих сил выхаживали и спасали мою дочку Машу. И спасли. Своего места (комнаты, кровати, письменного стола) у меня не было, да и незачем, и своего времени тоже: родных нельзя было оставить. Появление того, что потом называлось моей литературной кухней, тем только и объяснялось, что мои друзья – поскольку я нигде, кроме работы, не выходила – сами приходили ко мне, и некоторые считали мой дом своим.

Больничная моя вахта продолжалась 25 лет, и это была самая моя жизнь, самые любимые, дорогие и лучшие люди.

Мои уральские друзья были все-таки от литературы, все люди талантливые, думающие и пишущие. Крымские – сплошь мифологические герои, все от земли, ее великодушные рыцари. Это было чисто мужское содружество, и меня приняли в него только потому, что знали: я люблю это место не меньше, чем они. Я видела, как трудно оживала земля: вокруг Севастополя она была так плотно завалена военным железом (осколками бомб и снарядов), что трава много лет не могла пробиться сквозь металл. Видела совершенно целые и совершенно пустые татарские деревни и стада одичавших лошадей на яйле.

Я ездила в Крым – сообразно положению дома – на месяц, на неделю, даже на пару дней до тех самых пор, пока мы были одним домом. К тому времени, как от меня отторгли мой собственный домашний Херсонес (дом моего деда стоял как раз в Карантинной бухте, где летом 1942 года проходила последняя оборонительная линия сражающегося Севастополя), на Урале открыли Аркаим и всю страну Городов, которая оказалась намного древнее греков и тавров.

С годами Север («Кого камень заметит, того не выпустит») и Юг («Не оставляйте Севастополь!») сравнялись по количеству любви, утрат и могил, что делает личные предпочтения и выбор совершенно невозможным. У меня на столе, прямо перед глазами, стоит башенка кристаллического магнетита (70% железа) и... фотография, безусловно, историческая, сделанная военным фотокорреспондентом Е. Халдеем 10 мая 1944 года, на следующий день после освобождения Севастополя: «Группа разграждения 393-го батальона морской пехоты под командованием ст.лейтенанта В.Н. Стовбы идет разминировать город». Фотография была подарена моей двоюродной крымской бабушке с выразительной надписью «Оленька, ты помнишь это место...». А мне досталась по наследству. Место я помню...

Дочь и внук, Мария и Гриша